

Ю.Мамлеев. Голос из Ничто

Дело это давнее, малодоступное, поэтому теперь, когда меня не существует, я могу рассказать обо всем по порядку.

Начну с того, что я с этого летнего утра начал почти непрерывно жрать. Сначала одну котлетку. в рот окунул, потом другую... И казалось мне, что перевариваю самого себя... Под конец я две банки коричневого соуса съел. Съел, прикорнул на подоконнике и подумал: "Слава те, Господи!"

Раздулся я, в общем, и ничего в себе не чувствовал. Потом пошатываясь вышел на улицу.

Мир как-то до странности отупел, точно движения приобрели олигофреническую направленность. Я и мороженое кушал как-то пугливо-ненормально, и оберточная бумага прилипла к моим губам. Я так и шел с ней, как с трепыхающимся продолжением губы.

В уголок помочиться зашел, на алмазы драгоценные за витриной глядел. "И откуда такое сияние", - удивлялся я.

Не разбирая сам как, что да почему, я оказался -за большими домами. Окон на них в вышине видимо-невидимо, и все поблескивали точно со значением.

Ну там опущу всякие гадости, только за помойкой и трубой, идущей из земли, увидел я сытого грязного человека, который валялся на земле. Одежка на пузе его была распахнута, так что живое показывало свой вид. Волосье на нежной черепной коробке было беспорядочно и напоминало мелькающие тени. Человечек не то был пьян от водки, не то от трезвости ума своего, но поминутно рычал, слегка пассивно катаясь по земле. Тайное, в скорлупе тупости моей, тихо шелохнулось.

Тронул я незнакомого калошей, чтоб он привстал. Незнакомый присел, опираясь на задницу свою, как на гнездо. Пошарил вокруг себя рукой, уставившись на меня мутными, непростыми глазами.

- Кто вы? - строго спросил я.

- Ангел, - ответил незнакомец. - Небожитель я...

Опущу здесь некоторые знамения, подтверждающие его слова, но потом пошли мы с этим небожителем в подвал, что напротив.

- Как же вы так опустились? - ужаснулся я, глядя на него.

Вид его, выражающий внутреннее, был действительно дик и ничем не радовал глаз. Даже виднеющееся голое тело висело телесными лохмотьями. А башка почти совсем не варила. Первое время он просто мычал. Но потом мы наконец разговорились. И все сразу стало до удивительности мрачно и серьезно.

- Отчего у меня такой гнусный вид, - начал Ангел, поминутно рыгая и прополаскивая горло какой-то вонючей жидкостью, - вам будет понятно, если только я вам расскажу об устройстве всего творения... Должен сказать, что я был не просто ангелом, а еще более великой самосущностью - метagalacticким сознанием - и, можно сказать, почти созерцал Абсолют, или, попросту говоря, Главнокомандующего, Самого... Хе-хе... Так вот, о главном принципе мира сего...

Мы присели в углу у ящиков с разбитыми, как головки, лампочками, и он продолжал:

- Весь бредок в том, что Абсолют, в котором заключено все высшее сознание, как вам сказать... скучает... Не то слово... Скажем просто: от полноты абсолютного бытия своего стремится к своей единственной противоположности, к абсолютному Нулю, к Ничто, которое притягивает Абсолют как единственная реальность вне Его. Заметьте только, что я объясняю только

ту причину стремления Абсолюта к Нулю, которая вам, человекам, доступна. Итак, самоуничтожение - единственный вид деятельности для Абсолюта: зная все, Он стремится к сладостному исчезновению, но так как сразу перейти от полного-то бытия к нулю весьма и весьма загадочно, невысказано даже для Творца, то... - Ангел на минутку запыхтел, - то... Его чудовищное стремление к самоуничтожению выражается в том, что Он постоянно отчуждает, низводит Себя на низшие ступени духа, сначала низводит до уровня метагалактического сознания, потом все ниже и ниже, с трудом, по порядку, так степенно, наконец, появляемся мы, ангелы, потом вы - человечество, а отсюда недалеко и до всяческих вшей и минералов. А вши и минералы - это уже всего-навсего гаденькое, мутное полующение; почти конечная цель Творца; почти Ничто; но до полного небытия дойти... не так просто; тайна сия велика есть... тяжёлый путь к Ничто... Анти-Голгофа... И сам акт Творения, и его результат - мир, как вы видите, всего лишь средство для Творца, чтобы покончить самоубийством, истечь через творения Свои в Ничто...

Между тем мы уже присели у подвального окна, еле выходящего из-под земли, так что мир, виденный оттуда, был вполне дефективен: мы видели только беспричинные ноги проходивших мимо людей и обособившуюся у окна травку.

- Творцу, - продолжал Ангел, - трудно прийти к своей цели еще потому, что каждая отчужденная ступень Его творения (даже метагалактическое сознание) уже не является Абсолютом, а, имея в себе только часть Творца, испытывает в бреду души своей по Нему томление и стремится опять вверх, к Абсолюту. И, таким образом, в творении действуют две великие и противоположные силы: одна сила - тайна Творца, истинная, стремится к своей гибели; другая - вздох каждой твари, ее стремление, возникающее из недостаточности, вверх, к более высшему существу. Но низшее все равно с трудом достигает высшего; и даже если возмечтать, что какая-либо о себе мнящая тварь, пройдя все ступени, сольется с Абсолютом, то, будучи с Ним слита, опять почувствует, как в замкнутом круге, стремление вниз, к Ничто...

Ангел примолк и посмотрел на окружающее так, как будто все было предназначено для его речи. Поганая кошка заглянула к нам в разбитое окно.

- Вы, людишки, - умиленно, но мутно предчувствуя в себе визг, - продолжал Ангел, - полагаете, что Творец, дескать, создал сначала низшее, амёбное, а потом это развилось до высших форм; это вам так кажется по химеричности времени; а по сущности - наоборот: не человек "произошел" от обезьяны, а, напротив, обезьяна - от человека; и так дальше вниз - до клопа, вши, до червя... Правда, это не значит, что творение всегда происходило в такой временной последовательности, но по сущности - всегда. Или... Ну, впрочем, дальше вам все равно не понять... Спонтанный закон деградации - вот закон [Бога](#), - вдруг завизжал Ангел, - ибо Творец-самоубийца; и мир этот еще существует только потому, что стремление Бога к самоуничтожению уравновешивается отчаянной жадностью тварей - мутных частиц Его самого - подняться обратно вверх; и, таким образом, в мире поддерживается относительное равновесие - равновесие, позволяющее только существовать, а отнюдь не гармония... Гармонии - нет, не было и быть не может! - забрызгался Ангел, покраснев от злости.

Хорошо помню, что во время этих речей я стал чуть приплясывать на одном месте.

- Продолжайте, продолжайте, - уробно бормотал я.

- Так вот, - осклабился Ангел, - когда я, еще будучи метагалактическим сознанием, проник в тайный закон Творца, понял, что стремление вверх - иллюзорно, что мы в клетке, я страстно захотел исполнить этот божественный

закон деградации, приобщиться к всеобщему, слиться, можно сказать, с единственным желанием Абсолюта, войти в него... Вы, наверное, понимаете, плясун, что индивидуальное самоубийство бессмысленно, даже для вашего племени, оно - просто иллюзия. Нужно было следовать по пути родового самоубийства, то есть неумолимо превращаться в низшие по уровню существа, вниз по эволюционной лестнице... Ну так вот... С помощью эзотерических тайн, выполняя волю Божью, я стал деградировать... Туда-сюда... Туда-сюда... Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Был я и Ангелом... И вот теперь я - человек, перед вами. - И Ангел плюнул мне в лицо. - Только не пляшите, это действует на мои нелепые нервы... Я и ряд тайн эзотерических сохранил, чтоб дальше идти... Моя интимная мечта, - причмокнул он, наклонившись к моему демонически развеселившемуся личику, - превратиться в свинью. Жирную такую и вонючую. И жрать собственных поросят... Это от метagalактического сознания до свиньи... Недурен, путь... а? - закончил он.

Тайное, отдалив тупость мою, нарастало. Я весь как бы раздулся в тайну во плоти и оттого вспотел. Глазки мои невидимо-черно блестели, [сердце](#) выстукивало самое желанное.

Теперь уже я мог проявиться вовне и сам пощупать своего дружка.

- Скажите, - понятиливо выговорил я, - а не вы один, наверное, там, наверху, воззнали замысел Творца?.. Как там сами?!

- Конечно, конечно, - захихикал человечек, - некоторые уже давно превратились в клопов или в бабочку-однодневку... Великие были личности, оттого так далеко и пошли.

- Я так и знал, - засмеялся я, содрогаюсь. - Пойдемте к свету... Ну его, подвал... Чего-то страшно стало.

Мы вышли на [свет](#). Кругом не было ни души. Одни только мертвые здания, выпустив людей на работу, переговаривались окнами... Да торчала труба у помоек.

- Так вот, - захлебываясь, начал я, - теперь я о себе буду говорить. Я, конечно, не был осведомлен, что наш Творец - самоубийца и весь наш тварный мир не что иное, как безграничный, спонтанный акт самоубийства Творца. Но знайте, что независимо от всего этого мне захотелось почему-то впиться в жирную морду деградирующего Ангела - независимо от всего я из своих личных мыслей и пакостно-омерзительных желаний уже давно стремился к самоуничтожению, к полному нулю... И знаете почему: всю [жизнь](#), еще с детства, когда я был маленьким истеричным садистом и жалким насекомым, меня жгла злоба... Неистовая злоба из-за того, что я - не Бог. Я вырос в очень нежной, откормленной семье: все мне потакали, няньки, как рабы, надевали на меня носочки и штанишки; очень рано я познал этих женщин, и они всегда подчинялись мне, потому что я не любил их, общаясь только с собственным наслаждением; у нашей семьи были деньги и очень большие возможности на земле... Более того - я знал это совершенно реально и твердо, - во мне таились весьма необычайные интеллектуальные возможности... Добавьте, что почти с трех лет, как только я стал себя сознавать, я был законченный и самый патологический эгоист, какие только существовали на земле... Две вещи приковывали мое вожеление: высшая (то есть, разумеется, не формальная, не политическая, например) [власть](#) и гениальность. Могущество видимое и могущество духовное. Ради них, этих двух чудовищ, я был готов на любое преступление против мира и человечества... Еще подростком лежа в кровати я сублимировал свое будущее... И я мог бы пойти этим путем, если бы не эта жуткая крайность... эта мысль о Боге... Она жгла меня, постепенно пламеняя... Ну и что ж, если я буду обладать высшей властью и гениальностью,

думал я, ведь это так далеко от абсолютного всемогущества... Ничтожно, ничтожно... Это только его жалкие тени... А мне надо все... И мыслимое, и неммыслимое... Я вспоминал всю призрачность власти и ограниченность гениальности, пусть даже откровения, перед абсолютным... И я понял, что мой безграничный эгоизм никогда не найдет на земле себе успокоения, что ничто не насытит его прозорливости, что даже гениальность и высшая власть - всего лишь неутоляющие призраки, миражи... Это сразу убило во мне всякое желание идти по этому пути и вообще чего-либо достигать... Обладая возможностью достичь многого, я, потакавая похоти эгоизма своего, бросил все и зажил дикой, уединенной и озлобленной жизнью... Мне все равно не достичь могущества Бога; все равно я не Творец, не Абсолют; так зачем же вся эта суета, эта погоня за мнимым величием... То, чем я мог бы обладать, теряло свое значение; не няньки должны нежить ножки мои, а мир, весь мир, в том числе и Творец, злобно думал я... Очень многое, что другим людям и не снится, уже имеющий и очень многим обладающий потенциально, я вдруг заболел жутким комплексом неполноценности... комплексом неполноценности перед Абсолютом. Что бы я ни делал - все виделось мне ничтожным перед силой Бога, которой я мерзко и потаенно завидовал... и которую хотел понять... Я отрекся от всего, забился в угол и только иногда делал вылазки, пугая беззащитное, но больше мучая самого себя своим бессилием, потому что, в конце концов, если бы я был Богом, то мог бы мучить весь мир, а не только кошечку или Наденьку... Родители и братья, которые делали свои внешние успехи, поражались моей мракобесной и отъединенной жизнью, а мне были смешны их убогие земные достижения. И во мне, в гное и в черном хлебе, грызлась теперь одна мысль: что бы найти такое, в чем бы сравняться с Абсолютом или отомстить Ему... Отомстить за все: за воспаленные глазки мои, за обреченность желаний моих, за слабоумие, за то, что во дворе холодно, когда мне того не хочется... отомстить за то, что я - не Бог... И тогда мне пришло в голову: Нуль, Нуль, Абсолютный Нуль - вот мое божество, вот цель моего вожделения. Ведь в "ничто" все равны: и Бог, и гений; и человек, и червь. Нуль - это мое мщение Богу, нуль - это мое величие, ибо если все - весь мир и Бог - разрушится и превратится в ничто, только тогда в этом бездонном нуле я сравняюсь с Абсолютом; эдакое единство Бога и человека, единство в ничтожестве, - хихикнул я. - Наконец, субъективное предвкушение "ничто" стирает все грани, приравнивает ничтожное и великое, человека и Бога... Упившись такими идеями, я с подвыванием ликовал, замечая, что мир во многом идет к саморазрушению; но так как "мир" существовал практически только в моем сознании, то самоубийство для меня было формой убийства, убийства идеи мира и Бога. Я возжаждал сам низвести себя до Нуля, убивая, таким образом, не только себя, но все то, что еще существовало в моей душе: и Бога, и все высшее, и все взлеты. Возмечтав, истерично поверил я и в то - вера, вера наше спасение! - что "мир вне моего сознания" тоже идет к саморазрушению... Нуль, нуль, нуль как величие! В своих мыслях о поглощающем ничто я лелеял и свою месть Богу, и низведение недоступного до меня, и месть за свой дрожащий комплекс неполноценности. Садист и мазохист слились во мне в одно лицо, истерично давил я и милых кошечек, попадающихся мне на глаза, и все прекрасное и абсолютное в себе... Какие, пути у меня были? Индивидуальное самоубийство я отрицал, потому что не верил в "ничто" после смерти; о твоих эзотерических тайнах, о буквальном превращении в низшие существа тогда я не имел понятия... Так что приходилось, оставаясь в человеческом облике, творить черт знает что... Потому в одном плане недоумевал я только, дорогой, - обратился я к Ангелу, который все с большим интересом слушал меня,

оперевшись о помойный бак, - одно только мучило меня: как стать погаже и поомерзительней. Чего только я не выдумывал! Жил симулянтом в колонии олигофренов; свадьбы там всякие устраивал; о бессмертии души им напевал; а какая у олигофренов душа, сами понимаете; поэтому я, можно сказать, скорее бессмертие дерьма доказывал, чем души; забавные были случаи: слов-то они почти не понимали, так я им это бессмертие больше на пальцах показывал; или стукну, бывало, какую-нибудь идиотку по голове, а потом ей на клозет показываю, дескать, там вечность; а клозет действительно в колонии у нас длительно стоял в неподвижности; никогда даже не ремонтировали; многие поколения олигофренов перестоял... Я потом в них, в этих олигофренов, совсем вжил; непонятливый такой стал, но крикливый, суматошный и все больше глупость кричал; мочился при всех, насильно все слова забыл и пошел в ихний первый класс азбуке учиться; учительница меня похваливала: тупой ты, Верховенский, говорила, но старательный. А я только зубы скалил. Картины такие рисовал: одну муру и все про какие-то геморрой. Иногда от нервозности Блока "Прекрасную Даму" пред какой-нибудь дебилкой читал: она только морду пялит и вшей ловит... Но сомнение меня потом, небожитель, взяло. На одних олигофренах далеко не уедешь... Надо было что-нибудь поядреней... Плюнул я на все это дело и сбежал. Меня поймали, но я, бросив симулировать, заговорил по-человечески, не идиотскими, а учеными терминами, и меня, от греха подальше, с перепугу отпустили как "спонтанно излечившегося"... Совсем заскулил я тогда... Родственники от меня давно отказались, только мать родная не смогла... Очень меня, бедняжка, любила... Со злобы я возжелал и ее от меня отворотить, да как-нибудь попокастней... Воровал я у нее, издевался над ней - ничего не помогало: любила меня, и только. Хоть кол на голове теши. Напился я тогда, помню, допьяна и нарочно мысль ей подлую подпустил: наврал, что я, дескать, вовсе не ее ребенок, что ее дите издохло в родильном доме. а папаша по договоренности - он большой чин был - подsunул ей меня, безродного подкидыша... И я так обставил эту версию - во всех деталях и причинах, - что она и вправду поверила. Но хватит об этом, - перевел я дух, - теперь, когда ты на меня так ласково смотришь, я хочу знать твои тайны деградации... Вот что мне нужно...

- Пойдем, пойдем выпьем чего-нибудь. - Ангел вдруг взял меня под руку.

Теперь я заметил, что это был довольно толстый мужчина,, но немного опустившийся; его глазки были пропитаны обжорством и пивом, но внутри их застыло хихикающее безумие, которое как бы дирижировало этим выражением прожорливости.

Мы двинулись в раскрытые ворота. Над нами нависали здания.

- Я так и думал, что вы свой, - говорил Ангел. - И вот видите,-указал он вверх на камни,- как ваша сугубо индивидуальная, по особым причинам, страсть к самоуничтожению совпадает с такой потребностью Творца... Все это неспроста... Многие тут есть эзотерические занеры, но всего не скажешь... Остепел я совсем.

Мы вышли на улицу. Никто нас не замечал, все были заняты собственным уничтожением.

"Да Ангел-то в калошах", - почему-то подумал я.

А он между тем бормотал, вспоминая что-то недостижимое, но уродливое.

- Я поведаю вам эзотерический путь превращения в низшие существа, - мелькал он словами. - Да... Да... Когда это происходит естественным, эволюционным, путем - это одно, это долгая история, люди вырождаются в муравьев и прочее... Другое дело - наш субъективно-окультурный путь... Здесь только стон стоит, дух перехватывает... Наиболее божественные индивидуумы

так очень даже быстро в вонючек превращаются, за какие-нибудь два-три дня... И такое чувствуют - ой-ей-ей... Самое главное, скажу вам, вот что: на этом пути остатки высшего сознания все-таки могут сохраняться, особенно временами; я, например, уже совсем пьяница и ублюдок, а кое-что из своего метagalacticкого опыта помню: те же тайны, например; правда, чем дальше вниз, тем скотство вернее все высшие точки заволакивает... Я и о тайнах могу говорить только по-вашему, дурачки...

- Ладно, ладно, - приговаривал я.

Быстренько мы, два мокреньких от сублимаций толстопузика, юркнули в подвальную пивнушку. Слава Судьбе, почти никого вокруг не было.

- Сосисок с хреном... Да побольше... - заорало бывшее метagalacticкое сознание.

Присмирившая официантка внесла на стол наш гору еды. Навалившись, мы совсем отупели и, рыгая, стали хлопать друг дружку по спине и как-то ублюдочно, ни к селу ни к городу, хохотать. Ангел играл со своим брюхом.

- А хорошо быть скотиной, - заявил я.

- Хорошо, - мечтательно проурчал Ангел. - Легко и спокойно. И какая-то ублажающая бесконечность. Так все время и жрал бы одни сосиски.

- Главное, мыслей нет, - подхватил я. - Или, вернее, есть, но только одна и какая-то идиотская.

- Чем бы ты ее мог выразить? - спросил Ангел.

- Да ничем... Просто: ав... ав... ав... - залаял я, раскрасневшись от жира, - ав... ав... ав...

Так шалили мы с безразличными лицами еще с часик. Официантки от нас попрятались.

- А я люблю побалагурить в убожестве, - закончил наконец Ангел. - Это я называю станциями отдыха в бесконечности. Ведь долог и труден путь в ничто; немудрено по временам и залаять.

Я мирно допивал свое пиво и, размышляючи, хрипел:

- Молодец ты, дружок; был почти около самого Абсолюта, а теперича с нами, свиньями, пьешь...

Глаза Ангела вдруг сузились в одно напряженное, слабоумное воспоминание. Он мотнулся к моему ушку. Я жевал угодливо по отношению к самому себе.

- Расскажу сейчас тебе одну мерзость о Творце... Хе-хе... Вспомнил. Никто об этом не знает. - И Ангел сальными губками стал тихо-тихо пришептывать. По мере того как он шептал, мое лицо, с сосиской в зубах, разулыбалось, и я понимающе трясся от удовольствия всем своим плотным телом. Кругом сновали черные, забытые Незабывающим лица.

- Только никому не говори, - с расстановкой сказал Ангел и поднял палец вверх.

Вскоре я обратил внимание на одну кошмарную деталь: Ангел вынул из кармана зеркальце и, поставив его у пивной кружки, нет-нет да и вглядывался в себя, совсем скотского.

"Хе-хе... А ему даже в таком состоянии не чужд нарциссизм", - подумал я, а потом вскрикнул: "Ну и патология!"

Метagalacticкое сознание вдруг вспыхнуло, оживилось и, бросив жрать, опять накинuloсь на меня со своими идеями.

- Весь мир - гнет напряжения между Ничто и Абсолютом, - пришептывал Ангел. - Стремление Абсолюта к Ничто и противоположное стремление его тварей вверх - вот причина сумеречного, химеричного существования мира. В жизни действуют слишком противоречивые, взаимно исключающие силы, которые если

могут как-то уравновеситься, то в результате дают только возможность простого существования, а отнюдь не гармонию. А отсутствие гармонии ведет к патологии, к уродству. Поэтому вечна дисгармоничность, разлад есть первый признак жизни, особенно духовной. Патология - это главный нерв жизни, выражение единства двух исключаящих начал: стремления вверх и стремления вниз. Патология - суть мира, крик его сущности... Патология должна быть символом веры сколько-нибудь мыслящих существ. Нет, нет и никогда не будет гармонии!

Мне это показалось таким родным, что от близости к Ангелу я аж вспотел. Да и пот был какой-то особенный, липкий и гадюче-духовный, точно выделялись отходы моих самых тайных мыслей.

- Скажу по своему опыту, - добавил я, и гаденько-родной, как мысль о смерти, потик прошел у меня от солнечного сплетения до пупка, - скажу по опыту, что условием возникновения патологичности является, как ни странно, сознание того, что есть нормальный, здоровый мир... Он есть только в предчувствии, в возможности, как хотите; по существу, его нет; но идея о нем дает возможность существовать патологическому... Тупость и несуществование гармоничного, прекрасного мира и в то же время желаемость его выявляют и доказывают тотальную реальность бреда...

- Далеко, далеко пошли, - хихикнул Ангел. - Тут целая система... Великая и тайная... Как-нибудь в другой раз... Возможно, я вознесу кого-нибудь в чистую страну патологии... Патологии без конца... Многообразной... в большой красоте...

- Скажите, - перебил я, - а там, по ту сторону... духи... ведь говорят, что духовное неотделимо от добра, от нравственного начала-с, так сказать... ерунда? - ласково взглянул я, снимая свой невроз.

- Ерунда, - ухнул Ангел. - Духовное скорее неотделимо от зла... Там, среди духов, можно встретить таких патологических созданий, что никакие ваши земные трехголовые уродцы не сравнятся... Есть существа, обособленные в своем безумии, смотрящие в себя духовным, неземным оком... Есть неслыханные параноики, несущиеся по Космосу с мыслями о постабсолютном существовании... Есть злобные, смрадные богоненавистники, кусающие свои мысли, потому что в их мыслях есть божественный свет или чудовищные Дон Кихоты зла, вообразившие, что существует Добро. Они с воем, с безумно открытыми для вихрей глазами носятся по Духовному Космосу, преследуя существующее только в их воображении добро. Они махают, махают своими черными крыльями, колотя пустоту, в которой они видят возносящихся Спасителей и чистых, убегающих Мадонн... Есть дующие в свою односторонность, уходящие в оторвавшиеся от всего целого облачка-миры... В этих блуждающих далеко от Всеобщего островах патоизменяется сущность этих созданий, приобретая не сходимые ни с кем черты, и эти создания уже никогда не вернуться в целое... Есть женственные видимости, поющие забытые Богом песни, существующие только до сотворения мира... Патология, патология - и нет ей конца! - закричал на весь зал Ангел.

- О, тишина, тишина, тишина, - вдруг завыл я, ничего не понимая. - Расскажите наконец мне Ваши тайны деградации!

- Пошли на чердак, - пробормотал Ангел.

...Из чердака виднелся опротивевший огромный мир людей; "Но он может смываться, смываться", - визжал я про себя.

- Пока мы шли на чердак, - вдруг заявил Ангел, - я с одной деградирующей самосущностью в виде клопа - он полз по перилам, видел?! - успел обменяться информацией. У него вспыхнуло на миг сознание. Он мне

рассказал свою историю. Он пал сразу и очень круто, даже сам не ожидал. По его выражению, он деградировал с быстротой падающей кометы и мигом превратился в какого-то героя. А оттуда - благо недалеко - сразу в клопа.

- А дальше? - заинтересовался я.

- Описал мне, как жил клопом у одного человека - у Немытого Ивана Петровича. Тихий это был человек и болезненный. Форточки никогда не открывал. И все о божественном думал, о спасении души. Только он от церкви давно отошел. Какая уж тут церковь. И вместо этого для спасения души совершал свои никому не понятные обряды. То на одной ноге полчаса стоял, то мутные мечты детства своего шепотком вспоминал, то букварь шиворот-навыворот изучал. И все писал, писал и писал: знаки какие-то лучи от дня своего рождения по календарю пускал. Постом себя морил, но особым, субъективным: в день своих именин и по вторникам воды не пил. А на стенках паутины у него были, чертежи. И все говорил, что это исторически у него сложилось, традиционно, в течение всех прошлых жизней. В эдакий тихий склеп шизофренической обрядовости закопался. И во спасение души верил по-собственному: дескать, душа его после смерти превратится в красное солнышко и будет светить себе, улыбаться, мир согревать... Самосущность же одно время жила у него спокойной обособленной жизнью клопа - среди других обыкновенных клопов. Мы, деграданты, называем это станцией бесконечности и тишины. Иван Петрович, надо сказать, клопов обожал, а по несуетности своей укусов их совсем не чувствовал. Называл же их обычно по имени-отчеству. "Это Михаиле Иваныч ползет", - бывало, говорил он на жирного, не совсем здешнего клопа. ...Самосущность-то, неразборчивая, - прикорнув у чердачного окна, продолжал Ангел, - совсем обжилась. Кровушку пила, не раз в волосьях старика засыпала. Погуливал Иван Петрович редко, и то по субботам, но клопику было на все плевать: гульба не гульба, Бог не Бог... Бывало, мистерии старческие происходят, бабьим потом пахнет, а самосущности все одно: снует себе в волосьях или спит. Мол, меня вообще ничего не касается. Щелей, говорила она, на стенках опять же вдоволь: извилины такие, точно миры шизофренические... Спокойная была жизнь, одним словом. Чувствовал я себя - добавила мне потом самосущность - маленькой, одинокой точкой, состоящей из укуса и ползущей по безгранично-геометричному миру.

Но пора уже мне было с Ангелом прощаться: хватит, наговорились. Да и тьма сгущалась, а я по убожеству моему еще с детства во тьме любил один быть. "Пора, пора окунуться", - думал я, как бы завертываясь в темноту.

Ангелок между тем на ушко мне тайны деградации стал шептать; слушал я его недвижно, почти на одной ноге, смысл их во свою тьму впитывая. И удивительный нонсенс: все понимал, как будто уже давно чьей-то рожей ко всему этому был предназначен.

Ангел кончил рвано, внезапно и вдруг... полетел... Но самое неудобное, что не из окна, а в дверь; дверь очень неприятно, сама собой, отворилась, и он, чуть приподняв ручки, полетел по лестнице вниз... Весь видимый мир приобрел какой-то сдвинутый и неожиданный смысл, когда я увидел этого толстого, потрепанного человека, чуть приподнятого над лесенкой и летящего вниз... Да и сам-то я был хорош. Даже губки мои дрожали от тайн. И стали уже это не губки, а комок исчезающей нежности. Я ими сам в себя всасывался...

Вскоре очутился я один на один с собой, в одиночестве... В сладеньком комочке из пространства и так называемых предметов. И я сразу понял, запершись на два ключа, что этот комок - мой и я в нем могу такие кренделя выкидывать, что и черту в его [вселенной](#) под стать.

Тайное обратить в реальность я захотел сразу, бесповоротно. В эту же

ночь. Разделся. Поглядел на тельце свое в свете сознания, заплакал, посмотрел в окно и содрогнулся мягкостью оттого, что почувствовал, что сейчас все рухнет. Скорей бы, скорей. Я знал, что вверх нельзя, нет утешения, и я замер, ожидая, как Господа, падения мира сего.

...Тсс... Тсс... Вот оно... Тсс... Тсс... Сколько прошло миллионов лет? Или три секунды?.. Вот оно... И я шипел всему миру, шипел... Оттого, что ничего не было, кроме разрушения, о котором можно было только шипеть, шипеть, а не кричать и плакать... Но это пронеслось так мощно, хотя и невидимо...

Без боли ломались кости, с воем распадалась душа... Рушился мир, вместо которого горели огненные думающие точки... Везде... Везде... В самом распаде звучала музыка, музыка ломающейся вселенной, выталкивающих мыслей, музыка краха.

Я уже не знал, кто я и где я. Да и видимость была невидимая. Даже рыл, рыл не было!.. Но вдруг очнулся я в странной комнате, немного напоминающей виденный мной когда-то музей, - и в ней, в кресле, сидела моя старая подруга, немного располневшая.

Себя я не видел, но чувствовал, что существую. Она же меня узнала и не скрывала своего предубеждения. "Теперь я тебя скушаю", - сказал я, приблизившись к ней. Она плюнула мне в лицо и стала раздеваться. Тело у нее было сочно-белое. Скинув тряпки, она растянулась, дрожа ляжками, на огромном блюде, лицом вниз... Рядом на столе лежали розовые, как живые поросята, ножи. Подошедши, стоя я стал кушать, отрезывая от ее боков ломтики свежего, точно замороженного мяса. Увлечшись, я не заметил, что около меня стоит ее дух и он как-то странно на меня смотрит. Мне даже показалось, что он завидует и не прочь сам полакомиться. Потом, когда я проглотил по кускам ее голову, мы стали с ним препираться, и он утверждал, что этим нельзя насытиться. Мы сели за стол и стали играть в карты.

- Хорошо ли тебе теперь, моя любовь? - ежеминутно спрашивал я у духа.

Тот не отвечал, совсем ушедши в карточную игру. Но я уже чувствовал себя не на своем месте и все время елозил.

И вдруг стены дома разом рухнули, но совсем беззвучно, и показалось странное, искаженное полупространство.

И в нем сидел Мессия в виде жабы. Он все время мыслил что-то невероятное, сознавал, но это сознание тут же от него отлетало; потом появлялось новое, другое, но и оно вскоре исчезало; и так беспрестанно.

Остановиться Он уже не мог, но какая-то часть его души неистово возмущалась всем этим.

Что-либо связное он уже не воплощал, но вдруг выкрикнул мне, как глыба, в холодеющий затылок, получеловечьи-полукаменно: "Хватит отдыхать! Исчезай!"

И обволокло меня дрожью, липкой и радостной.

И понеслось, понеслось. Как будто завертелась во мне какая-то бешеная, визгливая и запотусторонняя сила!

Видел я пространства изломанные, неземные. Видел тварей разных, шипящих, недоумевающих; видел демонов исчезновения, рождающихся из ничего и мгновенно в ничто превращающихся; их трепет и лет; видел лик их мгновенный в злобе и ненависти, и, не находя исхода всей злобы своей, с вихрем проносились они, обращаясь в ничто.

Видел я призраков, ныряющих в пустоту, ищущих то, чего не существует. Целую вечность ныряют они и ныряют в пустоту, бессильные охватить несуществующее.

Видел младенцев, лающих на свое отражение.

И вдруг словно все остановилось в моем сознании. Закричал я и стал опускаться куда-то вниз, в бездну... и воплотился снова на земле, но в виде собаки, ненасытной и огромной. И все вокруг сумасшедшего дома бегал.

Цель бытия моего была: подвывать голосам безумных и находить в этом тишину и успокоение.

Тогда и человеческое сознание вспыхивало: тихо так, умиротворенно и отсутствующе. Потом уж понял я, что если и возникает во мне, прожорливой собаке, человеческое сознание, то только бредовое, невысказанное.

Так и бродил я, выл и кусался, полоумных детишек в реке топил, полусобака-полушизофреник.

А лес-то кругом стоял, лей! Наш, расейский, незабвенный в краске и чарах своих диких вознесся над сумасшедшим домом!..

Потом опять меня понесло - туда, туда, в неземное, деградировать.

Видел я Трех Гусей в ореоле мрака.

Из глаз их смрад коричнево-черный шел; а на дне глаз - танцы черного небытия сгущались в одну неподвижность. И возопили Гуси туда, где я ничего и не видел: "Дай нам! Дай... Не потом, а сию же минуту... Дай... сию же минуту!" И от свиста голоса их "сию же минуту" стали оборачиваться они в кору, в кору дерева, крепкого, корявистого... И крики их, исходящие изнутри, не слышны были, а лишь бились ветвями деревьев в небеса.

Видел я одиноких паразитов, ползущих по солнечным мыслям Отцов наших и пивающих сок их в задумчивости и смрадно-бессмысленном обособлении.

Так и застывают они на ветвях мирового сознания, все зная и ничего не зная. Но довольные, как сопля мира сего.

Второй раз я был на земле птицей придурковатой: часть мозга во мне вообще отсутствовала. Но летать - высоко летал. Над лугами, над горами с церквями Божьими и, может быть, над Самим Господом. Но так, в практическом-то смысле, ничего не видал: зерна еле клевал, засыпал там, где птицы не спят, на ногах держаться не мог по глупости.

А околел мигом, взлетев над миром Божьим; камнем покатылся вниз, к земле-матушке, только сознание человеческое на миг вспыхнуло, да и то сознание, когда я дитем был, почти младенческое; вскрикнул я так, падая, и подумал, ясный весь: "И велик же Господь простор для младенцев создал"; и-их! полетел на мертвые камни!

В неземном же, после второго пришествия моего на землю в виде придурковатой птицы, был мрак и знамение.

Я еще ликовал, но все больше мертвел, а приглушенное, бесчувственно-мертвое ликование еще больше меня сжирало.

Я уже был на том свете только мертвый комочек самопожирателя ликования.

Видел я скота в темном плаще; он шел по сжимающейся вселенной, а внутри него рыдал ангел, которого он не замечал и никогда не чувствовал.

Видел я также странную призрачную фигуру, от которой вся Вселенная погружалась в ясный, но какой-то не касающийся ее сущности свет; даже твари - те твари - пожирали друг друга в нежных женственных лучах. Эта фигура плакала и хоронила; но кого? все гробы были пустые.

Видел я облик и невыносимую реальность существ, которых нет, не было и никогда не будет; они только могли бы быть, если б абсолютно все было по-другому и сам Бог не походил бы на Себя.

Они выли в несуществующее, и их такой же несуществующий вой гулко разносился в каждые уголки Вселенной. И они трясли своим особым, непредставимым бытием; как птицы у окна, бились о стены существующего. Я

целовал и впитывал в себя их вопль, в котором чудились мне оттенки страшного хода событий, который не произошел и почти не мог произойти.

Потом около моего мокрого комка субъективности пронеслись похожие на лопухих черные насупленные твари.

Они питались своими самовыделяющимися мыслями и ничего не могли сознавать и видеть вокруг; и эти мысли были для них - весь мир.

Эти твари представляли из себя какую-то абсолютную клетку, включающую в себя абсолют.

Меня облепляли также своим сознанием и тленом другие, юркие, змеиные твари, существующие в мире, достигнувшем предела; они терзали меня своими бессмысленными вопросами; помню, что какое-то огромное ползущее видение, тень от которого текла от одной звезды к другой, совсем придушила меня своей Единой, Вечной, никогда не скончаемой мыслью. Были существа просто без всякого сознания, но странно раздражающие и мучающие своим существованием.

Вдруг я почувствовал, что весь мир, все тварное и все абсолютное, обратили на меня свое мутное, прямое внимание; в эту минуту мне показалось, что вся Вселенная остановилась и смотрит на меня, гогоча своей сущностью; вдруг появился Кто-то родной, наверное, Творец, родной, меня создавший. Точно Творец воплотился в видимость. И тут - о, как это было ужасно, склизко! - я вдруг увидел, что Он, Творец, Радетель, - в то же время чужой, враждебный, дикий и холодный; как же так, родил, а чужой, создал, а далекий?!

И так мне кроваво стало, нехорошо, точно нить какая-то, и логическая, и жизненная, порвалась. Нить между мной и всем. А Он, родимо-чужой, выкрикнул вдруг на меня, словно был маской: "Кончайся".

Потом все пропало, меня долгое время тоже не было; потом я стал хохотать; мелко так, не по-человечески: какие уж здесь люди; и вдруг воплотился. И началось мое третье пришествие на землю. На этот раз в виде вши.

Ползал я, кажется, больше по трупам; эдакий был любитель мертвой крови. И все меня хоронили. Точнее, хоронили людей, но я, вошь, во гробу единственно живой был.

Громко хоронили, помпезно-надломно, с музыкой. И все плакали, плакали. Особенно девушки, такие молодые, чистые, боговдохновенные... Иной раз в мертвом носу я совсем живо чувствовал, что они не своих любимых хоронят, а меня, меня, вошь; и по мне - вши - так плачут и тоскуют... О!.. Но сознание редко, совсем редко вспыхивало; одна кругом темень была, мрак беспросветный. Я уже тогда трепет вечного Нуля чувствовал. Меня быстро давили, схоронив в могиле, но я возрождался - эдакое переселение душ - в виде другой вши и все время упорно трупной. Много-много со мной похоронили, в цветах, в церквах Божьих.

В форме последних вшей я уже совсем отходить стал; вялая такая я стала, безжизненная вошь, холодная; и даже кровь трупная меня не согревала; музыку вдалеке только слышал неземную.

Там, где все будет, появился я еще один, последний, раз, после вши, но все было по-другому. Куда рыла-то подевались, не знаю. Видел я хаос и многоликое плюральное движение. Быстрый мне здесь конец был.

Рев, рев прошел по Вселенной, Господом созданной. И увидел я искаженные Лики Дублеров Бога Нашего, Единого, Самого Абсолюта. "Двойники, двойники Бога", - подумал я, завизжав, когда они ринулись на меня.

Но это были скорее не двойники, а дублеры, дублеры Абсолюта: упыри плюральности мира сего. Я видел множество качающихся, кружащихся миров,

точно таких же, как наш; и точно так же там был виден лик Божий; их было много, много. Единых Богов, много таких же извивающихся Абсолютов.

Потом они стали воплощаться, воплощаться в дикие земные символы. Это были одинаковые, но время от времени все до единого изменяющиеся обозначения: то свиные хохочущие морды, жующие свое абсолютное знание; то какая-то стая непрошенных благодетелей с визгом пронеслась вокруг меня; то открывались некие святые лики, параноидные в своей святости; то целая толпа бесконечно всемогущих грозно окружала меня...

Я уже не видел различия между Абсолютом и его двойниками; потом все они стали путаться между собой, точно стараясь проникнуть друг в друга: и в то же время они не могли этого сделать - только дергались, замкнутые в себя... Но при чем тут был я?! Как все существующее было ужасно, но я ликовал. Наконец-то, наконец-то. Как я этого ждал. Или еще что-то было, или его не было?!. Только знаю: вдруг стон прошел по всей Вселенной... И я... я... вы думаете, что наступил час моего четвертого, последнего, пришествия на землю?.. О, совсем не так... Я был на земле... Но неземное и адекватное слились для меня там в единое.

Я уже чувствовал холод Вечного Ничто; оно втягивало меня в себя; но могли ли я его достигнуть?!

И последнее, что я могу передать: я был слоновьим калом; да-да, слоновьим калом большого индийского слона, кланяющегося людям в светлом и шумном цирке. Можно ли выразить эту степень существования?!

Но я еще хорошо запомнил улыбку Бога на себе...